

УДК 316.37+316.61

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Э. ГИДДЕНСА

О.И. Якушина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА

В статье рассматриваются идентичность и вопросы ее конструирования в современном мире через призму социологической теории Э. Гидденса. Обсуждается его точка зрения на этот социальный феномен в условиях модерна, изменения и множественности выбора индивидом своего Я- идентичности, и влияние на индивида.

Ключевые слова: общество, индивид, идентичность, модерн, Гидденс.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы все чаще высказывается мнение о том, что некоторые крупные социальные преобразования современности сформировали основы современного облика индивида. Различные исследователи [1, 2, 5, 6, 7, 14] в своих работах стали отмечать, что идентичность человека теперь происходит из иных сфер общества, нежели ранее. Теперь цели и функции стали гораздо более сложными. В повседневной жизни быстро сменяются знаки и образы, которые обращаются к желаниям, страстям и мечтам индивидов, эстетизируя и меняя восприятие индивидом окружающей его реальности. Индивид насыщен культурными знаками без определенного референта в смысле указания, отнесения к предмету и, как следствие, создаются множественные, меняющиеся идентичности.

Для индивида создать у себя чувство собственной идентичности – не просто провести различие между индивидуальностью и массами, но также и утратить ощущение отличия и стать таким же, как другие. Это зависит от того, как индивид определяет концепцию своего «Я». В целом он визуализирует свое «Я» согласно воображаемым возможностям. Х. Маркус и П. Нуриус предположили [14], что индивид свободен в том, чтобы создать любое множество возможных «Я», но общий набор возможных событий происходит от категорий, определяемых существующим историческим и социо-культурным контекстом, а также

IDENTITY IN THE SOCIOLOGICAL THEORY OF A. GIDDENS

O.I. YAKUSHINA

The article deals with identity phenomenon in terms of modernity, change and multiplicity of individual choice, and its impact on the individual. Identity construction is discussed in the contemporary world by the sociological theory of A. Giddens, his view of this social phenomenon in terms of modernity, change and multiplicity of individual choice of the Self-identity, and its impact on the individual.

KEYWORDS: society, individual, Self-identity, modernity, Giddens.

моделями, изображениями, символами, предоставляемыми институтами медиа и непосредственным социальным опытом индивида. Идея возможных вариантов «Я» как компонентов концепции предполагает, что «Я» может быть многогранным. Это позволяет объяснить как пространственную и временную пластичность «Я» современного индивида, так и его непрерывность и стабильность.

Идентичность индивида во многом является ключевым двигателем развития и изменений в современном обществе, что отмечают многие исследователи. Однако это еще не дает возможность определить, что инициировало процесс. Поэтому важно определить, что означает и в чем состоит социальное конструирование идентичности современного человека.

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Э. ГИДДЕНСА

Рассмотрим идеи британского социолога Энтони Гидденса, автора теории структуриации, в которой он попытался преодолеть двойственность социологических подходов к анализу общества.

В центре концепции Э. Гидденса находится анализ текущего состояния современности, или, как он это обозначает, – «вопрос модернити». Модернити относится к модусу социальной жизни или ее организации, который появился в Европе примерно с начала XVII в. и стал впоследствии практически мировым явлением

по масштабу своего влияния. Это связывает модернити с определенным временным периодом в истории и изначальным географическим местоположением. В XX в. многие исследователи утверждали, что мы стоим на пороге новой эры, которая преодолевает модернити. Предлагались разные термины для описания этого перехода, когда говорят о появлении нового типа социальной системы, постмодернити, постмодернизм, постиндустриальное общество, посткапитализм и т.д. Некоторые из таких рассуждений касаются преимущественно институциональных трансформаций, особенно те, которые предполагают, что уже произошел отход от системы производства материальных благ, на смену которой пришла иная сфера [8, с. 12].

Фундаментальной социологической проблемой выступает прошлое развитие и настоящее положение модернити, которое Э. Гидденс исследует в своих работах, применяя теорию структуризации для характеристики способов организации и воспроизводства социальной системы через взаимодействие агентов и групп посредством применения правил и средств. Структуризация – это процесс оформления социальных систем, соответственно это и есть процесс оформления общества, формальными составляющими которого являются социальное действие, социальная структура, социальная система и социальные институты. Рельефное выделение какого-либо конкретного общества на фоне множественных отношений в рамках интерсоциальных систем становится возможным, поскольку определенные структурные принципы продуцируют определенное «сочетание институтов» в пространстве и времени. Для Э. Гидденса существуют только две исторические эпохи: традиционализма и эпоха модернити, создавшая современность [1, с. 33, 42]. Для него важно, что существующая социальная система исчерпала себя, цикл развития близится к завершению, и мы находимся на пороге чего-то нового. При этом важным элементом оказывается идентичность современного человека, которая выступает объектом постоянно растущего контроля. Следует отметить, что Э. Гидденс обращается к понятию именно «самоидентичность», поскольку он делает акцент на личное «Я» индивида. Соответственно, мы будем использовать этот термин.

Современное состояние общества сильно отличается от традиционного порядка, и именно это формирует тот образ, которым конструируется самоидентичность человека, тем самым играя интегративную роль в обществе. Современные институты отличаются от предшествующих своим динамизмом, разрывающим традиционно существовавшие связи, и глобальным воздействием. Это радикально трансформирует природу повседневной жизни человека и связанные с ней практики. Мир, в котором мы сейчас существуем, в значимых аспектах иной, чем в котором жили люди в предшествующие периоды истории [2]. Во многом

– это единый мир с едиными рамками опыта, с пространством «независимым» от определенного с пространством «независимым» от любого определенного места или региона [10, с. 75, 84], хотя и при этом появляются все новые формы фрагментации.

Идея модернити – контраст с традицией. Э. Гидденс определяет пост-традиционный порядок по его оппозиции к предшествовавшему состоянию. В традиционных культурах прошлое чтилось и символы ценились, потому что они содержали опыт поколений и помогали применять его. Традиция была, по сути, интеграцией рефлексивного мониторинга действий с пространственно-временной организацией общины. Это было средством управления временем и пространством, которое помещало любую определенную деятельность или опыт в протяженность прошлого, настоящего и будущего и в свою очередь структурировались воспроизводящимися социальными практиками [10, с. 19]. Традиция, конечно, никогда не остается полностью статичной, поскольку должна заново «изобретаться» каждым новым поколением, когда оно вбирает в себя культурное наследие от предыдущих поколений. Но в премодерновых цивилизациях рефлексивность сильно ограничена реинтерпретацией и объяснением традиции таким образом, что эти цивилизации скорее обращены к прошлому, нежели к будущему. Рутинизация повседневной жизни остается связанной с традицией. И так, традиционное общество характеризуется неразрывной связью с прошлым, которое легитимирует предпринимаемые действия и предотвращает изменение.

С наступлением модернити рефлексивность приобретает иное значение и становится определяющей характеристикой всех человеческих действий, в том числе и конструирования индивидом своей идентичности. Рутинизация повседневной жизни не имеет никаких внутренних связей с прошлым за исключением тех случаев, когда что-то, «что было сделано ранее», совпадает с тем, что может быть защищено принципиальным образом в свете поступающего знания. Однако Э. Гидденс делает оговорку, что даже в самых традиционных обществах – далеко не все совершенно традиционно. Хотя Э. Гидденс и признает, что ни одно общество не является сугубо традиционным, но, тем не менее, настаивает на том, что модернити – наиболее радикальная социальная форма и в наименьшей степени зависит от традиции.

Рефлексивность следует понимать не просто как «самосознание», а как «сознательное направление действия». Рефлексивность современной социальной жизни состоит в том, что социальные практики постоянно исследуются, проверяются и реформируются в свете поступающей информации об этих самых практиках, изменяя таким образом их характер. Все формы социальной жизни частично конституируются знанием актора о них, во всех культурах социальные прак-

тики рутинно видоизменяются в свете происходящих событий, но только в эпоху поздней современности имеет место радикальный пересмотр существующего, применяемый ко всем аспектам жизни. Э. Гидденс добавляет к этому рефлексивное измерение траекторий управления конструированием идентичности, что затрагивает и институциональные, и социальные процессы, связанные с эпохой модернити

Часто говорят, что современность отмечена «аппетитом ко всему новому», а динамично развивающийся современный мир порождает стремление индивида все время что-то приобретать – и вещи, и ощущения, и привязанности – как способ получить некое мгновенное равновесие и устойчивость, островок стабильности, защищенность и покой, пусть и на короткий срок. Но это, по мнению Э. Гидденса, не до конца верно: индивид что-то приобрел – и только в этот момент достиг равновесия, тут же возникает новое стремление к приобретению, потому что предыдущее уже было испробовано. И речь идет не о желании и открытости ко всему новому самому по себе, а о предпосылке всецелой рефлексивности (что также включает рефлексия на природу рефлексии). В этом аспекте рефлексивности как центрального положения, наполняющего сущность понятия современности, Э. Гидденс указывает, что в условиях модернити оказывается, что ничто не является определенным и ничто не может быть доказано. Никакое знание не является знанием в старом смысле слова, когда знать – быть уверенным в этом [8, с. 36–42]. В связи с этим возникают проблемы риска, доверия и абстрактных систем (концепт абстрактных систем был предложен Э. Гидденсом для того, чтобы иметь возможность анализировать взаимодействие между индивидами и комплексными системами модернити). Последние в модернити создают большие зоны относительной безопасности для продолжительности и непрерывности повседневной жизни. Мышление в терминах риска определенно имеет аспект тревоги, но также и означает поиск путей стабилизации результатов, определенный модус колонизации будущего. На уровне повседневной практики, а также ее интерпретации, ничто не может быть принято на веру как само собой разумеющееся, в т.ч. самоидентичность. То, что представляет собой допустимое и рекомендованное поведение сегодня, может оказаться другим уже на следующий день в свете изменившихся обстоятельств или необходимости согласованности с новыми знаниями. В премодерновых обществах выживание зависело от интеграции навыков в практические модусы организации деятельности внутри контекстов локального сообщества и физического окружения. Однако с экспансией абстрактных систем условия повседневной жизни трансформировались и рекомбинировались в гораздо более широком пространственно-временном окружении [9, с. 133, 137–138]. Современность экспроприрует окружение, и это бесспорно с точки зре-

ния Э. Гидденса. Дистанцирование отношений времени-пространства и эффекты, идущие от абстрактных систем, оказывают важное влияние. Даже если дистанция и бессилие не обязательно возникают одновременно, но появление глобализированных связей в сочетании с высокими рисками, являются параметрами социальной жизни, которые человек практически не может контролировать [9, с. 191–192] – никто не может полностью отстраниться от абстрактных систем как одного из последствий жизни в условиях постоянных рисков. Отметим, что концепция дистанцирования времени-пространства относится к ситуации или качеству социальной системы, где индивиды могут действовать без того, чтобы находиться физически в этой ситуации или окружении. Это условие, в котором время и пространство организованы таким образом, что присутствие и отсутствие связаны. Традиционно общества были организованы и связаны отношениями пространства и времени. Для того чтобы взаимодействовать, индивиды должны были находиться в одном и том же месте и в одно и то же время. При модернити эти связи становятся единичными, и социальная система может действовать независимо от ограничений времени и пространства, и, как следствие, социальное взаимодействие происходит сквозь время и пространство.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ИНДИВИДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Описав некоторые основные и значимые для Э. Гидденса черты современности, перейдем к рассмотрению понятия самоидентичности индивида в современном обществе. Э. Гидденс утверждает, что «Я» индивида стало ломким, непрочным, хрупким, расколотым, фрагментированным. При этом он обращается к исследованию нарциссизма в своей интерпретации самоидентичности современного индивида. Нарциссизм, однако, не следует смешивать с обыденной идеей самолюбования. Как своеобразное психическое расстройство в рамках понятия личности индивида, нарциссизм – это поглощенность собой, своим «Я», что препятствует установлению индивидом обоснованных границ между «Я» и внешним по отношению к нему миром. Нарциссизм относит внешние события к нуждам и желаниям самого себя, лишь задаваясь вопросом о том, «что это означает для меня». Это предполагает постоянный поиск самоидентичности, но это поиск, который остается фрустрированным, потому что постоянное преследование «кто я есть» – это экспрессия нарциссичной поглощенности собой, а не реально осуществимый поиск и стремление. Перспективы кажутся унылыми и непривлекательными, несмотря на, или, скорее, по причине хронического поиска удовольствий. В этом случае любое чувство собственного достоинства и гражданского долга имеет тенденцию исчезать. Подлинность заменителей

достоинства – что делает действие хорошим, давая ему положительную оценку, – это то, что оно отвечает подлинным устремлениям и желаниям индивида и может быть показано другим как таковое.

Характеристика современности по Э. Гидденсу созвучна с таковой у К. Лэша [13] при исследовании типа нарциссизма по отношению к «Я» современного индивида, который относит этот феномен к апокалиптической природе современной социальной жизни. Глобальные риски стали всеми признанной чертой современных институтов, и на уровне поведения в повседневной жизни никто даже не задумывается о том, как можно избежать возможных глобальных бедствий. Большинство людей не хотят о них ничего знать, отстраняются, попросту «выбрасывают» их из своего сознания, из жизни и концентрируют свою деятельность на личных «стратегиях выживания», которые заслоняют иные сценарии большего риска, характеризующиеся глобальностью и неуправляемостью. К. Лэш относит эту ситуацию к диссипации или «испарению» истории. Речь идет о потере исторической непрерывности в смысле чувства принадлежности к преемственности поколений. Нарциссическая личность имеет лишь туманное понимание потребностей других, и чувство грандиозности борется с чувствами пустоты и недостоверности. Нарциссист хронически скучает и безуданно находится в поиске чувства эмоционального возбуждения без вовлеченности и зависимости. Но не взаимодействуя с другими, индивид зависит от постоянного обновления восхищения и одобрения, чтобы поддерживать неопределенное чувство собственного достоинства.

Институциональные истоки такой ситуации лежат в отказе от традиционных авторитетов и формировании секулярной капиталистической городской культуры. Индивидуальность, создаваемая самим индивидом, сменяет прежнюю веру Просвещения в естественный характер индивида. Индивидуальность различает людей и предполагает, что их поведение является ключом к внутреннему «Я». Это именно то, что имеет значение для формирования самоидентичности. Социальные связи и обязательства все больше отступают в пользу бесконечного и навязчивого увлечения социальной идентичностью. Поэтому индивиды существуют словно в окружении зеркал, через которые они ищут появление безупречного социально значимого «Я». При этом близость и полноценное взаимодействие с другими становятся недоступными как следствие тех же обстоятельств, которые привели индивидов к состоянию обеспокоенности ее достижением. Неспособность серьезно интересоваться чем-либо, кроме поддержания себя и своего «Я», разобщенность и индивидуализм, культивируются как необходимые для поддержания защиты нарциссического «Я». Индивид движим тем, чтобы предъявлять чрезмерные требования к окружающим, но в то же

время отказывается взаимно отдавать другим то, что он требует от них для себя [9, с. 169–174].

Э. Гидденс обращается к указанным выше аспектам с точки зрения характеристики «Я» в современности при исследовании сути состояния модернити. Его интересует в первую очередь то, что рефлексивность модернити распространяется на ядро такого расколотого и фрагментированного «Я», в т.ч. идентичности человека – к каким последствиям это ведет и как индивид с этим справляется. В посттрадиционном порядке современности «Я» индивида становится собственным рефлексивно организованным стремлением, несмотря на появление все новых форм опосредованного опыта. В посттрадиционном обществе индивид не связывает себя обязательствами по отношению к одной единственной традиции и не ограничен аскриптивными социальными отношениями. Следовательно, посттрадиционализм создает условия для развития индивидуальной рефлексивности. Поскольку уже более не очевидно, что индивиды должны делать или кем быть, то они должны сами рассматривать возможные варианты и самостоятельно осуществлять выбор того, что они должны делать. Индивиды должны реконституировать свою самоидентичность рефлексивно. Наиболее значимым элементом выступает то, что рефлексивный проект своего «Я» происходит в контексте множества выборов, отфильтрованных через абстрактные системы. С точки зрения Э. Гидденса, в современных условиях абстрактные системы становятся вовлеченными не только в институциональный порядок модернити, но и в формирование «Я» индивида (например, ранняя социализация детей все больше зависит от советов и инструкций экспертов, а не от прямой передачи опыта от одного поколения другому). И эти советы и инструкции сами по себе рефлексивно реагируют на процесс исследования [9, с. 32–33]. Поэтому в современной социальной жизни понятие «стиля жизни» принимает особенно важное значение: это более широкое понятие, чем простое стремление к более влиятельным группам или классам при конструировании самоидентичности. Отчасти классовое разделение, вопросы неравенства могут быть определены в терминах дифференцированного доступа к формам самоактуализации. Но в данном случае Э. Гидденс говорит о стиле жизни как о принятых решениях и последовавших вариантах действия в условиях серьезной ограниченности материального; такие образцы стиля жизни могут также вовлекать более или менее преднамеренный отказ более широко распространенных форм поведения. Стиль жизни может быть определен и как относительно интегрированный набор практик, которые индивид воспринимает, не только потому, что такие практики реализуют утилитарные потребности, но потому что они дают материальную форму определенному нарративу самоидентичности. Стиль жизни – это не тот термин, ко-

торый хорошо подходит для традиционных культур, поскольку он подразумевает выбор среди множества возможных вариантов. Различные стили жизни – это рутинизированные практики; рутины, инкорпорированные в модели поведения и манеры общения с другими индивидами, но эти рутины рефлексивно открыты для изменения в свете мобильной природы самоидентичности. Каждое из небольших решений, которые индивид принимает каждый день, вносит свой вклад в рутину жизни. Любой выбор – решение не только о том, как себя вести в конкретной ситуации, но и кем быть. Чем более посттрадиционны условия, в которых индивид действует, тем больше стиль жизни касается самого ядра самоидентичности, он создает и изменяет его. Чем меньше сила, контроль традиции, тем больше повседневная жизнь воспроизводится в терминах диалектического взаимодействия локального и глобального, тем больше индивиды вынуждены выбирать стиль жизни среди множества возможных вариантов. Поэтому выбор стиля жизни становится все более значимым при конструировании самоидентичности и каждодневной деятельности именно из-за «открытости» социальной жизни, поскольку происходит плюрализация контекстов и имеет место разнообразие «авторитетов». В таком социальном мире, рефлексивно организованном, пронизанном абстрактными системами, в котором изменяется упорядочивание времени и пространства, – воссоединяется локальное с глобальным и «Я» подвергается существенному изменению. Поэтому на уровне «Я» фундаментальным компонентом повседневной жизни стал выбор. Конечно, никакая культура не исключает выбор как таковой в каждодневных делах, и все традиции, по сути, выбор среди неограниченного круга возможных образцов поведения. Однако по определению традиция или установленные привычки задают жизнь в рамках вполне строго определенного набора. Теперь же индивид сталкивается со сложным разнообразием выборов, в то же время не получая особой помощи в том, какие именно варианты должны быть выбраны [9, с. 5–6, 80–81].

В условиях модернити индивиды не только следуют некому стилю жизни, но их в определенной степени заставляют делать свой выбор. И нет никакого иного выбора, кроме как выбирать. Центральным моментом выступает то, что индивид не только должен быть способен принимать решения, делать выбор в постоянно увеличивающемся числе возможных ситуаций, но и вынужден это делать. Природа «Я» является комплексной: индивид обладает различными действительными «Я» и разнообразием возможных или идеальных «Я». Если индивид обладает разнообразным набором идентичностей, то возникает вопрос: как могут эти множественные «Я» сосуществовать в гармонии, как каждая идентичность развивается, как индивид выражает каждое «Я» в определенной со-

циальной ситуации. Широко распространена точка зрения, что мы живем в окружении, которое наполнено множеством символов, и значение, закрепленное за какой-либо ситуацией или объектом, определяется интерпретацией этих символов. В процессе социализации индивид учится не только соглашаться с разделяемыми значениями и смыслами, но и развивать собственные символические интерпретации. Индивид использует эти символические значения для того, чтобы конструировать, поддерживать и выражать свои множественные идентичности. С одной стороны, речь идет о возможностях на пути нововведений, благополучия и улучшений как индивидуальных, так и коллективных. Это способствует реконструкции социальных идентичностей. Это демократический феномен и позитивный процесс, открывающий новые возможности. С другой стороны, та же динамика создает условия вездесущим и постоянно меняющимся рискам, которые воспринимаются как новые обязательства и обременения, новые силы, возложенные на индивида и локальную жизнь. Отметим, что М. Фуко обращался к сходным аспектам [3], описывая то, как индивид формируется множеством режимов и является результатом игр власти различного рода, где последняя проникает в самую суть человека, в поведение и действие, в процессы обучения и повседневную жизнь.

В целом образцы стиля жизни, конечно, менее разнообразны, чем множественность выборов, доступных каждый день и даже в более долгосрочной перспективе. Стиль жизни вовлекает кластер привычек и ориентаций, и, соответственно, определенное единство, которое связывает варианты выбора в более или менее упорядоченный образец [9, с. 82]. При этом множественность выбора индивида происходит из различных влияний.

Во-первых, это факт того, что жизнь происходит в посттрадиционном порядке. Чтобы действовать и взаимодействовать с миром множественного выбора нужно выбирать альтернативы, учитывая, что указатели (нормы), установленные традицией, теперь отсутствуют или не имеют прежнего однозначного смыслового значения.

Во-вторых, условия современной социальной жизни намного более разнообразны и сегментированы. Частично из-за наличия множественных сред действия, выборы стиля жизни и соответствующая деятельность часто имеют тенденцию к сегментированию: модусы действия, последовавшие в одном контексте, могут в большей или меньшей степени варьироваться.

В-третьих, это экзистенциальное влияние контекстуальной природы обоснованных убеждений (верований) в условиях модернити. Проект Просвещения по замене произвольной традиции и спекулятивных требований к знанию на уверенность в разуме челове-

ка, оказался убеждениями, имеющими существенные недостатки. Современная рефлексивность действует не в ситуации все большей определенности и уверенности, но методологического сомнения. Даже самым надежным авторитетам можно доверять лишь «до следующей проверки»; и абстрактные системы, которые проникают в повседневную жизнь, обычно предлагают множество возможностей, а не фиксированные рекомендации и руководства к действию. Даже эксперты очень часто расходятся как в теориях, на которых они основываются, так и в практических выводах.

В-четвертых, преобладание опосредованного опыта также, в свою очередь, влияет на плюрализм выбора. С ростом глобализации средств массовой информации и коммуникации, это дает доступ индивидам ко всему тому, с чем он мог бы лично вообще никогда не столкнуться [9, с. 82–84].

Раньше, в традиционных обществах, индивида и его самоидентичность оставались частью природы, которая управляла процессами, совсем незначительно зависевшими от вмешательства человека, т.е. были «данностью» в независимости от того удобно ли это, соответствует ли личным желаниям человека. С ростом вторжения в эти аспекты абстрактных систем ситуация изменяется. Идентичность человека, по сути, становится объектом постоянного непрерывного выбора образца, его принятия, отторжения и последующего обновленного изменения, связывая рефлексивно организованные процессы и систематически упорядоченное экспертное знание. Само тело стало эмансипированным во всех отношениях, что является условием его рефлексивной реструктуризации [9, с. 218]. Таким образом, с наступлением рефлексивного модерна, происходят процессы «денатурализации» – превращение из данности в объект выбора в сферу контроля человека. Здесь можно упомянуть о том, как, подводя итоги в работе «Диалектика Просвещения» М. Хоркхаймер и Т. Адорно [4] писали, что то, чему люди хотят научиться у природы, – как использовать ее для того, чтобы полностью подчинить ее себе и другим людям. Это – единственная цель. Происходит изменение порядка отношений с природой. Природа, в том числе сущность человека, стала чем-то таким, чем следует распоряжаться, командовать и регламентировать. Сходная мысль проводится в современных исследованиях, – что самоидентичность индивида стала гибкой. Гибкость является объектом желания почти каждой личности и организации. Это определенный аксессуар стиля жизни, вещь, которая должна быть спроектирована, получить реальную форму и «стилизироваться» [15]. Она была преобразована из биологического факта в «проект». Для современной культуры характерны поиски физиогномических и физических режимов воплощения, основанных на предположении, что форма и вид как внешний, так и внутренний (самоидентичность) поддаются реконструкции. И Э. Гидденс согла-

сен с этим [9, с. 7–8]. Самоидентичность оказывается проектом, который открыт новым возможностям для повторного формирования и модификации.

Различные стили жизни создаются и подгоняются для развития по намеченному направлению между различными вероятностями, предлагаемыми в мире, реконституируемом через воздействие абстрактных систем. Конечно, в доверии может быть отказано как единичным, так и многим системам, которые рутинно и более-менее спорадично посягают на жизнь индивида. Хотя какой-нибудь индивид может выбрать также и стиль жизни, соответствующий традиционным авторитетам, ценностям. Например, религиозный фундаментализм предлагает четкие ответы на то, что надо делать в эпоху забвения авторитетов, и чем более закрыт религиозный порядок, тем конкретнее он решает проблему как жить в мире множества вариантов. Более открытые формы религии также могут предложить значимую поддержку в принятии значимых жизненных решений (в этом случае человек как бы снимает с себя ответственность за принятие решения) [9, с. 142–143].

Итак, в современном мире удовольствия, желания, чувственности и эмоций ставятся под сомнение вечные ценности Просвещения (разум, истина, прогресс). Именно это составляет тот широкий контекст современной социологической повестки дня. Мы живем в «эпоху тревоги», которая изобилует экзистенциальной и онтологической неуверенностью, и где вера в великие мысли и замыслы прошлого ослаблены. Поэтому наше время является временем иронии и нигилизма, фундаментализма и анти-фундаментализма, глобализации и локализации, геополитической переро- ориентации и экологического кризиса, постколониализма и упадка национального государства, нового национализма и беспрепятственного расширения транснациональных корпораций [11].

Когда сегодня мы говорим о множестве возможностей выбора, то это вовсе не означает, что все выборы открыты для каждого индивида или что все решения принимаются в полном осознании каждой альтернативы. Модернити, как показывает Э. Гидденс, открывает нам проект «Я», но в условиях, когда на индивида оказывается сильное стандартизирующее влияние. Это все влияет на проект «Я» индивида. Регулируемая «свобода» индивидуального выбора становится ограниченным вмещающим пространством возможностей индивидуального самовыражения индивида. Это не просто явление переупорядочения существующих образцов поведения или сфер жизни. Происходит процесс непрерывной перестройки повседневной жизни, когда опосредованный опыт оказывает существенное влияние. Например, средства массовой информации рутинно представляют модусы жизни, к которым, как это подразумевается, каждый должен стремиться; стили жизни состоятельных людей в некоторой фор-

ме стали открытыми для обозрения и изображаются как достойные для подражания. Э. Гидденс указывает, что более важным и более скрытым выступает воздействие именно тех нарративов, которые доводятся до индивидов с помощью этих средств массовой информации. Речь идет не обязательно о прямом предложении образа жизни, к которому следует стремиться. Косвенно предлагаются конкретные стили жизни так, что они представляют реальность бытия и согласованные с реальностью нарративы, с которыми люди могут идентифицировать себя [9, с. 271]. Человек должен быть способным впитать и реагировать на целый ряд ощущений и стимулов.

Итак, не только стиль жизни, но и самоактуализация упакованы и распределены по рыночным критериям. Но это не проходит беспрепятственно на любом индивидуальном или коллективном уровне. Даже самые изгнетенные люди – возможно, в некоторых отношениях особенно наиболее угнетенные – реагируют творчески и интерпретативно на такого рода процессы, которые посягают на их жизнь [9, с. 198]. Как минимум индивиды могут активно дискриминировать между типами имеющейся информации, а также интерпретируя ее в своих собственных понятиях, не соответствующих общепринятым.

Описание данных процессов Э. Гидденс дает по выделенным при рассмотрении проблем самоидентичности в современных условиях четырем направлениям. Во-первых, унификация и фрагментация, поскольку рефлексивный проект «Я» инкорпорирует многочисленные контекстуальные события и формы опосредованного опыта, через которые должен быть начерчен «курс дальнейшего продвижения». Во-вторых, бессилие и присвоение: варианты стиля жизни, которые стали доступными, предлагают множество возможностей для присвоения, но также порождают чувство бессилия. В-третьих, авторитет и неопределенность, так как в условиях, когда нет никаких конечных авторитетов, рефлексивный проект «Я», чтобы справиться с состоянием неопределенности, должен самостоятельно опираться на то, что им будет выбрано как авторитетное в данный конкретный момент. И, в-четвертых, персонализированный опыт: нарратив «Я» должен быть сконструирован в условиях, в которых на отдельного индивида влияют стандартизирующие образцы.

Многие писали об опасностях массового общества и давления стандартов. Однако Э. Гидденс, отмечая данные черты, пишет о том, что как раз в эпоху премодерна автономии было гораздо меньше. Более не связанные и ограниченные традицией, теперь индивиды предоставлены широкому спектру возможностей, когда они сами должны решать, какими людьми они будут. Как было отмечено, «Я» рассматривается в качестве рефлексивного проекта, за который ответственны сами индивиды. Мы не те, кто мы есть, а те,

кем мы себя делаем [9, с. 75, 191–192]. Хотя во многом исследования Э. Гидденса предполагают, что появление такой личной рефлексивности является чем-то освободительным, но он отмечает и негативную сторону. Например, сфокусированность на личном выборе вызывает проблему экзистенциального сомнения и онтологической ненадежности, нестабильности [9, с. 37–39, 48–55]. Если индивид больше не основывается на авторитете традиции, которая изолирует потенциально опасные практики и дает жизни автоматический смысл [9, с. 166–167], то индивиды должны лично основывать на чем-то свою жизнь. Они должны подавлять экзистенциальное сомнение и установить онтологическую безопасность через создание личных рутин, практик повседневной жизни.

Поздняя современность способствует распространению рефлексивности расширением возможности выборов, которые могут сделать индивиды, но это расширение выбора и потеря традиционного авторитета также порождает негативные эффекты. Э. Гидденс не дает четкого ответа, является ли воздействие всепоглощающим и стандартизирующим, и насколько у индивида есть возможность осуществлять действительно самостоятельный выбор, когда мы говорим о конструировании им собственной идентичности.

Следует указать на важные параллели между взглядами Э. Гидденса и Ф. Джеймсона [12]. С точки зрения последнего, в современном мире субъект становится просто поверхностью, на которой отражаются овеществленные изображения и где индивид исчезает под стилизацией тривиальных стилей. Вместо того чтобы быть глубинной экспрессией человеческой индивидуальности, человеческое тело становится глянцевой кожей для фетишизации. Для Ф. Джеймсона эта фрагментация теперь «расплющенного субъекта» – это подходящее «Я», не ограниченное эмоциональными или социальными привязанностями с более широкой традицией – логически консонантна с постмодерном. Как и для Э. Гидденса, фрагментация субъекта расширяет формы конструирования собственной идентичности, в которые индивиды могут вовлекаться, потому что они больше не отягощены чувством аутентичности себя, связанным с определенными социальными традициями с другими. Субъекты больше не находят своего места в общинно важной деятельности, но свободно удовлетворяют свои желания в личных и временно доставляющих удовольствие деятельности. Но если Ф. Джеймсон критично смотрит на новый фрагментированный и сплюснутый субъект как стирание категории значения и лишение свободы, то Э. Гидденс такой переход оценивает преимущественно положительно, считая его «освобождением», несмотря на эксплуататорские аспекты, черты эксплуатации.

ВЫВОДЫ О КОНЦЕПЦИИ Э. ГИДДЕНСА

В его работах проводится мысль о том, что в посттрадиционной социальной вселенной, рефлексивно организованной, пронизанной абстрактными системами, в которых новое упорядочение времени и пространства воссоединяет локальное и глобальное, «Я» индивида переживает соответствующие изменения. Э. Гидденс считает, что вопросы: «Что делать?», «Как действовать?», «Кто будет?» являются руководящими, координирующими жизнь для всех, кто находится в условиях позднего модерна. Преобладание вопросов идентичности в современном обществе является как следствием, так и причиной изменений на институциональном (макро) уровне. Эти изменения не могут быть объяснены только на индивидуальном (микро) уровне, иначе мы могли бы просто сказать, что люди начали спонтанно менять свое мнение о том, как жить. Объяснение должно находиться где-то во взаимодействии макро и микро сил в обществе. Эти события являются результатом изменений в законах (макро), например, касающихся брака, но спрос на эти изменения пришел с уровня повседневной жизни (микро).

Современность сталкивает индивида с комплексным разнообразием выбора [9, с. 80]. В то время как в традиционных обществах образцы, которым приходится следовать, более или менее очевидны и создаются и поддерживаются локально, то теперь локальные практики «растворяются» и предоставляют новые, которые возникают где-то в мире, и индивид теперь может свободно их выбирать. Динамика выбора и неопределенности ведет к прогрессирующему ослаблению социальной структуры, сменяя определенность традиционализма на необходимость постоянного выбора и даже изобретения этого самого выбора. Они (модели, образцы конструктов «Я») могут быть «выбраны» при создании своего набора идентичностей и стилей жизни в соответствии с теми областями, в которых индивид перемещается (плательщик налогов, гендерная, этническая принадлежность и т.д.). Социальная структура становится все более амбивалентной. Э. Гидденс пишет о кризисе самоидентичностей, происходящем в результате плюрализации сообществ, ценностей и знания в посттрадиционном обществе.

В эпоху модернити, когда общество становится глобальным, но остается фрагментированным и рассеянным, поиск самоидентичности – ключевая детерминанта происходящих в обществе процессов, поэтому изучение концепции «Я» индивида является существенным для понимания современного общества. С развитием средств связи, коммуникационных и транспортных технологий индивиды стали открыты по отношению к различным реальностям. Им не надо покидать свою «традиционную общину» для того, чтобы встретиться с другими культурами; они открыты им, когда они просто находятся у себя дома. Влияние далеких событий на ближайшие, и разнообразие

возможностей идентификации своего «Я», становится все более распространенным явлением. Индивиду постоянно поставляется новая информация, и окружающая реальность непрерывно находится в состоянии конструирования, ее создание никогда не заканчивается, а, следовательно, так или иначе индивид начинает ставить под сомнение действительность и самого себя. Поскольку теперь «Я» индивида – это не неизменная «данность», следовательно, это то, что индивид конструирует в качестве самоидентичности, ее содержания. Индивид реализует свою свободную волю, чтобы сформировать образ того, кто он, кем он хочет быть, как хочет чтобы его воспринимали, хотя такая «свобода воли» ориентирована на ценности, которые также являются социальным продуктом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В центре концепции Э. Гидденса находится общество и его взаимосвязь с конструированием самоидентичности. Прошлое развитие и настоящее состояние модернити являются фундаментальной социологической проблемой, которую он разрабатывает для характеристики способов организации и воспроизводства социальной системы через взаимодействие агентов и групп посредством применения правил и средств. При этом важным элементом оказывается идентичность современного человека. Э. Гидденс утверждает, что в посттрадиционном порядке современности «Я» индивида становится собственным рефлексивно организованным стремлением. Больше не очевидно, что индивиды должны делать и кем быть. Они должны сами рассматривать множество вариантов и делать выбор. Индивид использует это для того, чтобы конструировать и выбирать и поддерживать свою самоидентичность. Индивид является тем, кем он сам делает себя. «Я» современного индивида, оказывается проектом, который он должен активно конструировать из доступных ему ресурсов и вплетает их в связный отчет того, кем он является, т.е. нарратив самоидентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полякова Н.Л. Современные социологические теории общества. М.: ИНИОН РАН, 1996. С. 33, 42.
2. Фундаментальная социология. В 15 т. / Под ред. В.И. Добренькова, А.И. Кравченко. М.: ИНФРА-М, 2005. Т. 7. Человек. Индивид. Личность. (Добреньков В.И., Кравченко А.И. Социология. М.: Инфра-М., 2001. 624 с.).
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: статьи и интервью, 1970–1984: В 3 частях. М.: Праксис, 2002. 381 С., 318 С., 311 С.
4. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, 1997. 312 С.

5. **BELK R.** Possessions and the extended self // J. Consumer Res., 1988. N 15. PP. 139–168.
6. **CUSHMAN P.** Why the Self is Empty: Toward a Historically Constituted Psychology // American Psychologist. 1990. N 45(5). P. 599–611.
7. **GABRIEL Y., LANG T.** The Unmanageable Consumer. London: Sage, 2006. 232 p.
8. **GIDDENS A.** The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford University Press, 1990. 188 P.
9. **GIDDENS A.** Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991. 186 p.
10. **GIDDENS A.** Living in a Post-Traditional Society / In: Beck U., Giddens A. and Lash S. Reflexive Modernization. Cambridge: Polity, 1994. 256 p.
11. **HANCOCK P.** The Body, Culture and Society. Buckingham: Open University, 2000. P. 6.
12. **JAMESON F.** Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Durham, NC: Duke University Press, 1991. 438 p.
13. **LASCH C.** The Culture of Narcissism. London, New York: W. Norton, 1991. 282 p.
14. **MARKUS H., NURIUS P.** Possible Selves // American Psychologist. 1986. Vol. 41. N 9. P. 954–969.
15. **MARTIN E.** Flexible Bodies. Boston: Beacon Press, 1994. P. XVII.
16. **SHILLING C., MELLOR P.A.** Embodiment, Structuration Theory and Modernity: Mind/Body Dualism and the Repression of Sensuality // Body and Society, 1996. Vol. 2. N 4. P. 1–15.

Якушина Ольга Игоревна,
аспирантка социологического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова

✉ 119991 г. Москва, Ленинские горы, МГУ,
e-mail: yakfibio@gmail.com